

ПУШКИН И ПРОБЛЕМА РУССКОЙ ВСЕМИРНОСТИ

Вл. А. Луков, Н. В. Захаров

Институт фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, Москва

Pushkin and the Problem of Russian Universality

Vl. A. Lukov, N. V. Zakharov

Institute of Fundamental and Applied Studies of Moscow University for the Humanities, Moscow

В статье раскрывается основополагающая роль А. С. Пушкина в формировании всемирности (как особой открытости миру, готовности к диалогу культур) в русской литературе. Показано, что один из путей утверждения всемирности — переход от шекспиризации к шекспиризму, который произошел в творчестве Пушкина и был унаследован другими великими русскими писателями.

In this article the fundamental role of A. S. Pushkin in the formation of universality (as a particular world-openness and readiness for intercultural dialogues) in the Russian literature is revealed. It is shown that one of the ways of statement of universality is the transition from shakespeareization to shakespeareism, which took place in the Pushkin's creative work and was inherited by other great Russian writers.

С именем Пушкина связано в русской культуре многое: появление русского литературного языка, прекрасных стихотворных строк, возникновение теории русской драмы, становление русской переводческой школы, создание оригинальных литературных жанров («роман в стихах», «маленькие трагедии»), формирование реалистического взгляда на жизнь и историю. Пушкин стал для нас тем же, чем в свое время стал для британцев Шекспир!

Благодаря Пушкину русская литература не только овладела мировым наследием, но и сама стала явлением мировой культуры.

Пушкин освоил все роды и жанры мировой словесности (как никто другой русский поэт постоянно экспериментировал со стихотворными размерами), сделал творения чужого гения, чужой культурной традиции в литературе близкими и понятными нам (вечные образы Дон Жуана, Мефистофеля, Фауста, Отелло и др.). Его просветительская деятельность легла в основу освоения русской культурой чужого, но не чуждого художественного наследия Европы. Его диалог с мировыми гениями античности, английского ренессанса, французского классицизма, с немецкими «штюрмерами» и романтиками (с Шекспиром, Мольером, Гете, Байроном и др.) был диалогом равных.

Нам, унаследовавшим его «всечеловечность» и «мировую отзывчивость» (именно так определил пушкинскую способность делать чужое своим другой гениальный ученик Пушкина — Ф. М. Достоевский), есть чем восхищаться. Пушкинское наследие живет в нас с ранних детских лет и остается с нами всю жизнь. Воистину Пушкин — «наше всё» (А. Григорьев)!

Именно «наше», а не «их», потому как другим европейским народам он зачастую кажется малопонятным. Ни немцы (первый перевод неизвестного автора на немецкий язык «Кавказского пленника» датируется 1823 г.), ни французы (несмотря на то, что на французский язык Пушкина переводили талантливые писатели, среди первых — Проспер Мериме), ни англичане, ни итальянцы, ни шведы и финны не смогли перевести гениальную простоту русского поэта, разгадать код его творчества. Даже для большинства тех иностранцев, кто читает Пушкина на русском языке, он не более чем прекрасный стилист, умелый ремесленник и рассказчик; не оригинальный автор, а подражатель западным литературным образцам. И здесь не стоит испытывать комплекс неполноценности или обижаться на непонятливость чужестранцев. Напротив, есть повод еще раз восхититься нашим таинственным поэтом.

Тайна Пушкина — это тайна России, тайна нашего миропонимания и самосознания, тайна нашей истории. Донести загадку Пушкина до англо-американского читателя не смог даже такой талантливый писатель, переводчик и полиглот, как В. Набоков. Не прислушавшись к советам своего гениального предшественника, он попробовал справиться с задачей дословного перевода, возможность которого сам Пушкин отрицал. Набоков перевел «Евгения Онегина» прозой, убив в нем как Пушкина, так и саму поэзию, но провозгласил свой педантичный перевод блестящей попыткой буквализма. Такому переводу вполне соответствует обширный, но столь же сухой комментарий В. Набокова к роману [7]. «Евгений Онегин»

продолжает оставаться «энциклопедией русской жизни» (и души!) только для русских.

Прекрасно, что мировые гении выходят из национальных литератур. Сегодня невозможно представить мировую культуру без гениального британца Шекспира. Но то, что у русской культуры есть свой мало кому ведомый гений-прародитель, ставит нас в совершенно особое положение. С Пушкиным мы «переумнили» (термин А. Зиновьева) западноевропейскую цивилизацию, вернее западное представление о нас.

У нас много славных имен, и пусть японцы и американцы считают, что самый выдающийся русский писатель — Достоевский, французы — Тургенев, немцы — Толстой, англичане — Чехов, а китайцы — Горький. Не будем с ними спорить и пытаться их переубедить в этом. Пусть нам (и только нам!) ясна непреложная истина, и мы скажем про себя, что вся отечественная культура стоит на Пушкине.

Симптоматично, что в общей переоценке ценностей и падении уровня нашей культуры имя Пушкина остается для нас святым.

«Солнце русской поэзии закатилось», — сказал в некрологе В. Ф. Одоевский, но закат этот оказался только физической смертью Пушкина. Историей ему было уготовлено обрести вечную жизнь в памяти потомков.

С приходом в русскую литературу А. С. Пушкина в ней возник феномен, который можно обозначить как русская «всемирность». Под этим термином имеется в виду особая отзывчивость поэтической (в широком смысле) русской души на слово — письменное или устное, прозвучавшее для всех или только для избранных, в храме, светском салоне или в поле, избе, на площади или в тайниках сердца, в разных странах, на многих языках, в различные эпохи; а также особая форма диалога русской культуры с другими культурами через взаимоотражение литератур.

Способность русских воспринять «чужое» слово как «свое» лежит в основе русской словесности, заимствовавшей свой алфавит и первые книги у древних болгар, испытавших огромное влияние литературы Византии и нее древнегреческие истоки, принявшей в свой лексический запас тюркские, угро-финские и другие иноязычные фонды.

Непосредственно у истоков русской «всемирности» стоит русский классицизм XVIII века, который, вслед за европейским классицизмом, был ориентирован на подражание античным авторам, но был еще более зависим от образцов, так как перенимал и опыт самих европейских классицистов. Конечно, какое-то подобие двойного подражания обнаруживается и в западной литературе, но там подражание новым образцам, ориентированным на античные первоисточники, выступало прежде всего как эпигонство и мало касалось великих писателей. В России же двойное бремя подражания несли на себе самые крупные писатели, отражая тем самым ученический период новой русской литературы. Вершина и одновременно итог этого движения —

творчество В. А. Жуковского, познакомившего через свои переводы русского читателя с Гомером и Пиндаром, Лафонтеном и Поупом, Томсоном и Греем, Гёте и Шиллером, Бюргером и Уландом, Саути и Байроном, еще с пятьюдесятью писателями разных стран и эпох, причем эти переводы составили основную часть его творчества. «Победителю ученику от побежденного учителя» — приветствовал молодого Пушкина великий поэт в связи с выходом в свет поэмы «Руслан и Людмила». В чем видится эта победа?

Уже в этой ранней поэме Пушкин, превзойдя своего непосредственного учителя В. А. Жуковского, преодолел подражание, ученичество, вступил с гениями мировой литературы в диалог на равных. И этот диалог охватил такой широкий спектр явлений мировой словесности, что тогда-то возник, закрепился в русской литературе феномен русской «всемирности». Столь необъятное поле диалога создает специфический для русских писателей (и читателей) начиная с пушкинского времени литературный тезаурус (область общего культурного тезауруса, связанную с литературой).

Не менее значим и тот способ, каким поступающая в тезаурус извне литературная информация перерабатывается, чтобы стать его частью. Пушкин здесь также определил основное направление.

Оно ясно проступает в диалоге Пушкина с Шекспиром. Мы обозначили суть этого диалога через века термином «шекспиризм» (термин использовал в XIX веке П. В. Анненков [1]; о шекспиризме см.: [3, 5]). Но сегодня в науке куда чаще используется термин «шекспиризация» для обозначения, казалось бы, того же самого явления. Нам представляется, что шекспиризация означает не только преклонение перед гением английского драматурга, но и постепенное расширение влияния его художественной системы на мировую культуру. Это один из принципов-процессов [см.: 4].

Принципы-процессы — такие категории, которые передают представление о становлении, формировании, развитии принципов литературы, усилении некой тенденции. Их названия выстраиваются по сходному лингвистическому основанию, подчеркивающему момент становления или нарастания некоего отличительного качества художественного текста на фоне литературной парадигмы (господствующей системы соотношений и акцентов в литературных дискурсах): «психологизация», «историзация», «героизация», «документализация» и т. д.

Шекспиризация отчетливо проявилась в западноевропейской культуре уже в XVIII веке, прежде всего в предромантической (а в XIX веке — романтической) литературе. Свойственна она была и русской литературе, в том числе Пушкину. Однако масштабы утверждения этого принципа-процесса в России ни в какое сравнение не идут с грандиозной шекспиризацией западной культуры. Шекспиризация предполагает введение во всеобщее культурное достояние образов, сюжетов, художественных форм шекспировского наследия.

У Пушкина она присутствует и в «Борисе Годунове», и в «Анджело», и в многочисленных реминисценциях. Но это не главное, что воспринял Пушкин от Шекспира. Он как бы поднялся над зримыми частностями, чтобы достичь незримой, но ощущаемой области «философии» творчества великого английского драматурга, перешел от «тактики» к «стратегии» шекспировского художественного мышления и направил в эту сторону весь диалог русской литературы с Шекспиром.

Это и логично определить понятием «шекспиризм». С данной точки зрения, творчество Л. Н. Толстого, автора погромной статьи о Шекспире [9], оказывается одним из высших воплощений шекспиризма, и здесь нет противоречия: толстовской критике подвергаются как раз образы, сюжеты, художественные формы шекспировских произведений (сфера шекспиризации), но не масштабность мировидения, не стратегия шекспировского художественного мышления (сфера шекспиризма).

Шекспир — не единственный собеседник Пушкина. Среди таких собеседников — античные авторы (Гомер, Гесиод, Пиндар, Анакреон, Эсхил, Аристофан, Демосфен, Катулл, Вергилий, Цицерон, Гораций, Овидий, Тибулл, Саллюстий, Ливий, Светоний, Персий, Петроний, Плиний Старший, Тацит, Плутарх, Ювенал, Апулей, Августин), великие гуманисты, ученые, поэты и драматурги Предвозрождения и Возрождения (Данте, Чосер, Петрарка, Боккаччо, Боярдо, Аретино, Ариосто, Тассо, Макиавелли, Эразм Роттердамский, Лютер, Рабле, Маро, Ронсар, Жодель, Дюбелле, Монтень, Сервантес, Камюэнс, Спенсер), писатели XVII века (Кальдерон, Лопе де Вега, Корнель, Расин, Буало, Шаплен, Паскаль, Боссюэ, Лабрюйер, Лафонтен, Севинье, Сюдери, Фенелон, Фонтенель, Мильтон, Гамильтон, Бейль), просветители, предромантики, поэты рококо (Поуп, Филдинг, Ричардсон, Стерн, Юнг, Крэбб, Джонсон, Макферсон, Чаттертон, Уолпол, Рэдклиф, Альфьери, Бентам, Буффлер, Готшед, Винкельман, Виланд, Гёте, Шиллер, Бюргер, Гебель, Вульпиус, Коцебу, Лесаж, Дидро, Шамфор, Мариво, Мармонтель, Сен-Симон, Лакло, Легуве, Делиль, Дюкло, Жанлис, Руже де Лиль, Казанова, Касти, Потоцкий), романтики и другие современники (Вордсворт, Кольридж, Саути, Байрон, Шелли, Скотт, Мур, Мэтьюрин, Вильсон, Морьер, Булвер-Литтон, Мильвуа, Шатобриан, Сталь, Констан, Гюго, Виньи, Санд, Мюссе, Стендаль, Дешан, Сю, Уланд, А. В. и Ф. Шлегели, Тик, Гофман, Гейне, Делавинь, Мандзони, Пеллико, Мицкевич, Караджич), философы и ученые (Сократ, Платон, Аристотель, Демокрит, Эпикур, Сенека, Бэкон, Галилей, Декарт, Монтескье, Мабли, Кондорсе, Сисмонди, Гердер, Бёрк, Гегель, Шеллинг, Фихте, Шлегер, Сведенборг, Кузен, Гизо, Тьерри, Барант, Минье, Лемонте Токвиль, Лелевель), публицисты, журналисты (Аддисон, Каннинг, Прадт, Ж. де Местр, Жанен). Пушкин вместе с современниками открывал для себя и американскую литературу (Ирвинг, Теннер, Купер). Его привлекал и Восток (Давид как автор псалмов, Саади). В приведен-

ном перечне не упомянуты имена, о которых пойдет более развернутый разговор ниже, а также некоторые незначительные пушкинские отсылки. Все они вместе составляют очертания зарубежной части пушкинского литературного тезауруса [см. 2].

Характеристике литературного тезауруса Пушкина посвящены сотни работ (хотя такой термин, конечно же, не применялся). Рассмотреть эту проблему в полном объеме практически невозможно, и даже самые общие ее контуры, представленные в недавно вышедшем опыте специального словаря под редакцией крупного пушкиниста В. Д. Рака, потребовали весьма солидного тома [8].

Совершенно очевидно, что русская «всемирность», столь заметная уже у Пушкина, и сегодня разительно отличается от, казалось бы, близкого подхода, представленного в так называемой постмодернистской парадигмы, согласно которой ничего нового в литературе появиться не может, современная литература (да и вся литература Нового и Новейшего времени) — лишь монтаж, мозаика, составленная из фрагментов более ранних текстов.

Пушкин не заимствовал слова, строки, жанры у своих предшественников, его мало занимали пародирование, игра с аллюзиями, карнавализация литературы. Его общение с мировым наследием словесного искусства — это действительно диалог на равных, или диалог равных, в ходе которого он не повторял чужие идеи и образы, а осваивая их потенциал, создавал нечто совершенно новое, а именно — новую русскую литературу. Этот его диалог с мировой литературой определяется не уровнем постмодернистской интертекстуальности, а уровнем (позволим себе неологизм) интерконцептуальности и психологической и интеллектуальной отзывчивости на чужое чувство и чужую мысль, воспринятые в процессе их «обрусения» (иначе: встраивания в русский культурный тезаурус) уже как «свое».

Путь, выбранный Пушкиным, оказался решающим для культурного развития России. Он не был профессиональным литературоведом, но достаточно сравнить перечень имен и отсылок к писателям, которые упоминаются в его произведениях, с современным вузовским курсом зарубежной литературы, чтобы убедиться в справедливости этих слов. Даже пропуски, имеющиеся в этом списке (например, средневековая литература, в которой он выделил очень немного, например, «Песнь о нибелунгах»; американская литература, начинающаяся у него с В. Ирвинга; почти не затронутая литература стран Востока) сохраняются в общих вузовских курсах. Тезаурусный подход объясняет это: вузовские курсы включают освоенный русским тезаурусом материал, а культурный русский тезаурус сложился в области литературных предпочтений под решающим влиянием Пушкина.

Мы не отдаем себе отчета, почему живший 400 лет назад англичанин Шекспир нам ближе и понятнее, чем жившие позже наши соотечественники Тре-

диакровский или Сумароков, или французы Расин и Вольтер, который для современных их соотечественников значительнее Шекспира, а для нас вовсе нет. Исходя из вышесказанного, становится ясно, что именно Пушкин, который мог сделать выбор между всеми этими писателями, выбрал не просто Шекспира, а «шекспиризм» — сам способ осмысления действительности и ее литературной презентации, который оказался не английским, а под могучим влиянием Пушкина вполне русским (мы же не связываем психологизм, открытый в литературе Боккаччо, с Италией, или историзм, обретший современную форму у В. Скотта, с Шотландией).

Литература

1. *Анненков П. В.* Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. М.: ТЕРРА-Кн. клуб, 1999.
2. А. С. Пушкин и всемирная история. История культуры. Мировая литература // А. С. Пушкин: Энциклопедический словарь / Сост. В. Я. Коровина, В. И. Коровин; Редколл.: В. И. Коровин (отв. ред.) и др.; Под ред. В. И. Коровина. М.: Просвещение, 1999. 574—659.
3. *Захаров Н. В.* Шекспир в творческой эволюции Пушкина. Juväskulä, 2003.
4. *Луков Вл. А.* «Шекспиризация» как принцип-процесс // XV Пуришевские чтения: Всемирная литература в контексте культуры: Сб. статей и материалов: К 100-летию Б. И. Пуришева. М.: МПГУ, 2003. 155—157.
5. *Луков Вл. А., Захаров Н. В.* Шекспиризация и шекспиризм // Знание. Понимание. Умение. 2008. 3. 253—256.
6. Мериме-Пушкин: Сборник / Сост. З. И. Киризе. М., 1987.
7. *Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. СПб: Искусство-СПб; Набоковский фонд, 1998.
8. Пушкин. Исследования и материалы. Т. XVIII—XIX: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии» / Отв. ред. В. Д. Рак. СПб: Наука, 2005.
9. *Толстой Л. Н.* О Шекспире и о драме // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1983. 15. 258—314.